

Материалы VII Конвента РАМИ

Секция № 18

Социально-гуманитарные и образовательные ресурсы внешней политики

Сальников Вячеслав Иванович, к.и.н., доцент Кафедры международных отношений и регионоведения Воронежского государственного университета

Российский цивилизационный проект как условие модернизации России

Применительно к России, представляющей собой в цивилизационном плане ярко выраженный лимитроф¹, постоянно находящийся в поисках идентичности в разных системах социокультурных и цивилизационных координат, с полной уверенностью можно сказать, что ее история представляется в виде сменяющих друг друга мегапроектов, масштабы которых вполне достаточны для того, чтобы отнести к разряду цивилизационных².

Вначале это был проект христианской Руси, к реализации которого приступил в конце X века Владимир Красное Солнышко, преодолевая сопротивление сторонников язычества. Затем уже в Московской Руси ее государи пытались создать христианское царство (проект «Москва-III Рим»). При претворении в жизнь данного проекта опирались на наследие Византийской империи (II Рима) и Золотой Орды, поглотив которую, Русь превратилась в мощную евразийскую державу. Потом уже российские государи, начиная с Петра I, стали воплощать в жизнь «петербургский проект» – создавать европейскую империю на евразийском пространстве, преодолевая сопротивление «почвы». В 1917 г. он закончился крахом, однако это не означало конца российской истории. На смену «петербургскому проекту» с октября 1917 г. пришел новый – уже коммунистический проект, когда мессианскую идею «III Рима» сменила новая мессианская идея «III Интернационала». Однако к концу XX века наступило разочарование в мессианских идеях, и в стране с конца 80-х гг. началась реализация либерального проекта,

¹ Лимитрофы [от лат. limitrophus – пограничный; limes – граница + гр. trophos – питающий] – термин, активно используемый в геополитике для характеристики геополитически нестабильных пространств между цивилизационными платформами. Однако, по мнению автора, данный термин может быть вполне применен и к России, цивилизационные начала которой обладают неустойчивостью, что во многом определяет трагизм нашей истории.

² См.: Сальников В.И. Российский цивилизационный проект : в поиске системы координат / В.И. Сальников // Национальная идентичность России и демографический кризис (материалы II Всероссийской научной конференции 15 ноября 2007 г.). – М.: Научный эксперт, 2008. – С. 625-631; Сальников В.И. Модернизация России как цивилизационный проект / В.И. Сальников // Научный эксперт. – 2010. – Вып. 7-8. – С. 66-77.

ориентирующего исключительно на земные ценности. Данный проект (может быть в силу общего кризиса современного западного мира, порожденного эпохой Просвещения) доказал свою несостоятельность, и перед Россией вновь стоит задача выбора проекта развития.

В последнее время, особенно в период президентства Д.А. Медведева, и властью, и оппозицией активно озвучивается идея необходимости модернизации России³. При этом наши политические и интеллектуальные элиты вполне отдают себе отчет в том, что для выхода на новый уровень развития, что предполагается обеспечить благодаря модернизации, необходимы серьезные изменения во всех сферах жизни российского общества.

Как показывает мировой опыт, успешное осуществление модернизаций, особенно для стран, стремящихся занять или хотя бы сохранить свои лидерские позиции, – возможно лишь на основе собственного цивилизационного проекта⁴. В противном случае страна либо вступит на путь «догоняющего развития» – путь вечной «гонки за лидером», либо просто растратит свои ресурсы на «имитационную модернизацию».

В силу цивилизационного раскола российского правящего и образованного классов, порожденного нашей лимитрофностью, новый российский цивилизационный проект пока не сформирован. Поэтому для успешного завершения российской модернизации, направленной на выход России в число мировых лидеров, нужно выработать соответствующий цивилизационный проект, который бы объединил россиян. Для чего нашему интеллектуальному и политическому сообществу необходимо, по мнению автора, прийти к консенсусу по следующим вопросам:

- 1) Что представляет собой Россия – часть мировой/региональной цивилизации или особую цивилизацию?
- 2) Россия между Европой и Азией: культуртрегер, «щит меж двух враждебных рас» или новый «центр сборки»?
- 3) Россия и новый мировой порядок: «надежда прогрессивного человечества», «государство-изгой», или обычная региональная держава – субъект многополярного мира?
- 4) Россия: империя или национальное государство?
- 5) Каково соотношение традиций и новаций в этом проекте?
- 6) Надо ли выбирать между *modernity* и *postmodernity*?

Рассмотрим вышеотмеченные вопросы поподробнее.

1. Рассмотрение России как особого «цивилизационного мира», как «государства-цивилизации», прежде всего, порождает проблему ее границ. Где она должна быть локализована – в пределах Российской Федерации, СССР или Российской Империи? Должна ли она включать диаспоры российских эмигрантов? Не менее остро стоит и проблема основания для объединения проживающих на ее территории народов⁵, как и ряд

³ См. Ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ с 2008 по 2011 гг., доклад ИНСОРа «Россия XXI века: образ желаемого завтра», программную статью генерального директора Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования С.С. Сулакшина «Критерии и основания модернизации России» и др.

⁴ См.: Модернизация – задача цивилизационная. – (http://news.km.ru/modernizacziya_zadacha_cziviliza/print)

⁵ До 1917 г. это было стремление жить под державной сенью «Белого Царя», после 1917 г. – участие в строительстве «нового мира», а что сейчас Россия может дать своим народам кроме осознания общей судьбы?

других проблем. В видении России в качестве части единой мировой цивилизации также отсутствует ясность: где в существующей системе цивилизационно-культурных координат находится Россия – ближе к Западу или к Востоку, к Северу или к Югу; к Центру или Периферии⁶? Нет единства и в понимании того в какую цивилизационную систему входит Россия: православную (восточно-христианскую), европейскую или евразийскую.

2. Ответ на вопрос о цивилизационно-геополитическом выборе между Европой и Азией подразумевает выяснение степени вовлеченности российского общества и государства в дела Европы и Азии и позволяет понять – что есть Россия. Европейский «культуртрегер» в Азии? «Кентавр» с азиатским туловищем и европейской головой, пугающий своим «варварством» «цивилизованную Европу»? «Буферная зона» между двумя цивилизационными пространствами? Или же «площадка сборки» новой «евразийской цивилизации», которая, соединив традиции Востока и Запада, Христианства и Ислама, Золотой Орды и III Рима, уже выработала механизм совместного проживания на ее территории народов, относящихся к разным расам, языковым семьям, конфессиям без их «упростительного смешения»⁷ и готова поделиться своим опытом со всем миром?

3. Говоря о месте грядущей России в новом мировом порядке, мы прежде должны понять, что данный миропорядок собой представляет: он однополюсен, многополюсен или вновь возможен его биполярный формат? Как этот миропорядок может быть трансформирован глобальным кризисом, в который погрузилась капиталистическая мир-система под влиянием ряда объективных и субъективных факторов? И на чьей стороне России придется выступить – на стороне «золотого миллиарда», на стороне противостоящих ему «антисистемных сил», или же, сохраняя статус региональной державы в многополярном мире, придерживаться нейтралитета?

4. Отвечая на вопрос о выборе нашей оптимальной государственной модели, нам необходимо выбрать между империей и национальным государством. Империя должна пониматься как модель многосоставного государства (включающего в себя большое количество народов и культур, которые, несмотря на наличие единого «пространства нормы», сохраняют свою самобытность), обладающего реальным суверенитетом и претендующего на активную внешнюю политику. Альтернативной империи является модель национального государства – более однородного и компактного, с ограниченным суверенитетом и с «постимперской» внешней политикой, которая, как показывает пример Великобритании, Франции, Испании, – не обязательно должна означать отказ от курса на сохранение влияния на свои бывшие колониальные владения. Недостаток имперской мощи при реализации цивилизационных проектов во втором случае может компенсироваться за счет деятельности сетевых структур, направляемых «концептуальной властью» (экспертное сообщество, система образования, система массовой информации и коммуникации, интеллектуальные и культурные элиты). ЕС и Commonwealth являются здесь неплохим примером, добиваясь посредством «мягкой силы» от своих членов проведения согласованной политики.

⁶ Центр, Периферия и Полупериферия – структурные элементы капиталистической мир-системы в концепции И. Валлерстайна. Современный Центр соответствует постиндустриальному Северу (страны Запада и Япония), Периферия – сырьевому Югу, Полупериферия – «промышленная зона», включающая в себя страны-производители ширпотреба, которые пока не в состоянии выйти на уровень создателей и производителей высоких технологий (Индия, Китай, страны ЮВА, наиболее развитые страны Латинской Америки). Что касается России, то она после распада мировой социалистической системы и крушения СССР, если не предпринять необходимых мер, - может «додрейфовать» и до включения в состав стран Юга...

⁷ Термин К.Н. Леонтьева, означающий примитивизацию сложно организованных обществ под влиянием «демократизации».

5. Говоря о выборе нашего цивилизационного проекта, мы должны учитывать определенный баланс между соответствием социокультурным паттернам, лежащим в основе той или иной цивилизации, и использованием инновационных механизмов, в том числе, заимствованных извне. Как показывает зарубежный опыт стран, совершивших успешную модернизацию (Япония, страны ЮВА и др.), необходима связь модернизационного и цивилизационного проектов. Об этом стоит помнить экспертному сообществу и нашим властям, разрабатывающим и реализующим проект современной российской модернизации, который пока не затрагивает ни человеческого фактора, ни социокультурных ресурсов – без чего не изменить тип социальной системы с рентного на инновационный и не выйти в число лидеров.

6. То же самое относится и к проблеме соотношения *modernity* и *postmodernity* в современных модернизационных проектах. Должны ли мы при создании основанного на постмодернистских ценностях постиндустриального (информационного) общества отторгать такие базовые элементы эпохи модерна как рациональная бюрократия, политические идеологии, массовые политические партии и государство как организатор общества? Или же постиндустриальная цивилизация с ее «экономикой знаний», высокотехнологичным гибким производством, развитым сервис-сектором, мощной информационной инфраструктурой, значительными инвестициями в развитие человека вполне совместима с ценностями эпохи модерна? К тому же само понятие «постиндустриальное общество» нуждается в уточнении. Это общество, идущее на смену индустриальному, или же его «элитная зона», где сосредоточены политические и финансовые институты, предприятия high-tech и high-hume (в том числе и в сельском хозяйстве), развитые сферы коммуникаций и услуг, поддерживающие высокое качество жизни? При этом вредное производство и добыча сырья перенесены в индустриальные и «частично индустриальные» страны, относящиеся к зоне «периферийного капитализма». Не уяснив сущности постиндустриализма, мы не сумеем выбрать правильную стратегию нашей модернизации.

В качестве вывода можно сказать следующее: не определившись со стратегической целью, мы не можем эффективно решать такие насущные задачи как сбережение и преумножение населения, удержание территории, сохранение природных и культурных богатств, создание конкурентоспособной экономики и эффективной системы управления, укрепление национальной безопасности (безопасность личности, общества, государства), которые, по мнению автора и должны стать стратегическими целями нашей модернизации.